

ГЛАВА 1

— Ты уверен в том, что сможешь сделать это? — вроде бы весьма строго, однако с легкой насмешкой в голосе спросил Магомедгаджи.

— Можешь во мне не сомневаться, эмир, — вальяжно ответил Малик. — Я ведь родился мужчиной и всегда, с самого детства, ощущал себя таковым.

— У тебя даже детство было? — с заметной ехидцей, будто бы желая уколоть Малика, осведомился Рамазан. — А ведь совсем недавно, кажется, даже вчера вечером, то есть меньше суток назад, ты мне жаловался на то, что у тебя, по сути дела, его не было. Ты плакался, мальчиком на побегушках себя называл, рабом отца, матери и старших сестер. Все они тебя угнетали.

Рамазан погладил седую бороду, в которую с легкой ехидцей усмехался. Он по природе своей терпеть не мог жалоб, от кого бы они ни исходили, и всегда воспринимал их так.

— Ты думаешь, что это так просто — лишить человека жизни, — не обращая внимания на слова Рамазана, продолжил Магомедгаджи гнуть свою линию, давить на Малика. — Ты ведь никогда еще никого не убивал.

— Повторяю, я настоящий мужчина, эмир. — Малик нисколько не сомневался в своих способностях и был даже сердит на командира из-за того, что тот не слишком на него надеялся. — Я же сказал, что сделаю это. Вы не мешайте мне. Я ему еще несколько вопросов хочу задать.

— Мы тебе не помешаем. Нам тоже надо заставить его кое-что сказать. После этого ты сможешь разобраться с ним, — проговорил Рамазан.

Банда подходила к селу в полном своем составе, все семь человек. Трое уже в возрасте, опытные, руки покрыты татуировками, причем не современными, сделанными ради красоты, а настоящими, зоновскими, то есть уголовными. Еще четверо были по сути дела совсем мальчишками, мало что в жизни понимающими, но уверенными в себе. Они впервые в жизни держали в руках боевое оружие. После этого у парней даже походка изменилась, похоже, от ощущения собственного могущества. Они почувствовали себя воинами и начали шагать

вразвалочку, почти небрежно, невольно подражая эмиру Мамонту, для которого эта манера передвижения была привычной.

— Хорошо, что хоть дом ты помнишь, — заметил Мамонт. — Искать его не придется. Не надо будет по селу бегать.

— Да как же не помнить! Я свои долги отдавать привык, знаю, куда их принести следует, — отозвался Малик. — Он ведь у меня бабу украл. Я к ней еще в школе присматривался, целых пять лет. А она девять классов окончила и через год за него замуж выскочила. И за кого, главное? Ведь за мента участкового! Не могла какого-то порядочного мужчину дождаться! Я такого не прощаю!

Малик кипятился, был красным, как стальной чайник, забытый на плите. Глаза его горели таким же воспаленным светом.

Магомедгаджи посматривал на него с легкой усмешкой. Ему требовались такие вот горячие мальчишки, причем в большом количестве. Чем больше будет рядом таких вот кипящих парней, тем удачнее будут идти дела у него самого, тем быстрее он придет к своей цели.

Эмир давно уже наметил ее и надеялся на достижение своих мечтаний как на некое благо, почти неземное, при котором он будет цвести и пахнуть, как садовый цветок по весне.

Увидеть эту цель ему помог не кто иной, как его верный спутник Рамазан Лачинов. Он встретился с ним не так давно, хотя знакомы они были и прежде, с той самой ходки, когда Мамонт получил четыре с половиной года строгого режима. Место ему в бараке было отведено на шконке первого яруса. Прямо над ним располагался тот самый Рамазан, человек уже возрастной, в первый раз попавший на два с половиной года за драку с патрульными ментами.

Мамонт был, естественно, куда более авторитетным уголовником по крови и по стажу. Однако он быстро понял, что Рамазан не так прост, как кажется с первого взгляда. Тот вообще мало походил на уголовника. Так, во всяком случае, решил Магомедгаджи. Но насчет того, кем был его сосед в действительности, он никак не мог догадаться.

Сначала он даже принимал его за стукача, специально подселенного в отрядный барак, с которым давно уже пора бы разобраться, даже думал о том, как это сделать. Но вскоре более опытные сидельцы легко приняли Мамонта за своего. Они просветили его, объяснили, что с воли пришла малява насчет Рамазана Лачинова. Именно так он представлялся, хотя никто не знал его настоящую фамилию.

Оказалось, что он был из-за кордона, приехал из Сирии набирать людей. В Каспийске на улице его остановил патруль. У Рамазана не было с собой никаких документов, даже на имя Лачинова. Он сказал ментам, что забыл их дома, в другой одежде.

Они пытались посадить его в машину и доставить в райотдел для выяснения личности, но Рамазан не пожелал туда отправляться и устроил драку с ментами, которые были вооружены автоматами. Что можно сделать с голыми кулаками против четырех стволов?! Затылок прикладом ему, естественно, разбили, но это уже в машине, после стычки. До этого ребята из патрульно-постовой службы дали две неприлично длинные очереди в землю, и Рамазан почти добровольно сел в машину.

Потом был суд, на котором он упорно доказывал, что вкалывал на стройке, на Северном Урале, и очень неплохо по нынешним временам заработал, а по дороге домой у него украли деньги и документы. В уральский город, названный подсудимым, был отправлен запрос. Оказалось, что тамошние менты несколько дней назад возбудили уголовное дело против работодателя, который выдавал людям черную зарплату в конвертах. Вообще было непонятно, кто в той фирме работал, поскольку доку-

ментально ни один человек толком оформлен не был.

Так Рамазан и угодил на зону всего лишь за сопротивление сотрудникам полиции. После освобождения он должен был получить по справке новый паспорт взамен якобы похищенного. Среди великого множества других уголовных дел особенно дотошно никто с Лачиновым не разбирался.

Находясь на зоне ему предстояло еще больше двух лет. Может быть, не окажись у Рамазана такие тяжелые кулаки, он отделался бы меньшим сроком, и даже, скорее всего, не строгого, а общего режима. Однако один из ментов принес в суд справку о том, что получил во время задержания гражданина Лачинова сотрясение мозга, а у второго оказалась сломанной челюсть. Правда, эта травма не мешала ему на заседании суда грызть семечки, но судью это не смутило, поскольку шелуху мент на пол не сплевывал, а аккуратно убирал ее в пакетик, свернутый из газеты. На замечание секретаря суда этот служитель закона ответил, что врач посоветовал ему челюсть разрабатывать после травмы, если он не хочет лишиться дара речи.

А сам Рамазан Лачинов радовался тому обстоятельству, что так легко отделался.

Со своим соседом по шконке Мамонт встретился после освобождения. Тот приехал на такси к воротам зоны как раз к тому моменту, когда Магомедгаджи вышел за них. Лачинов едва-едва не опоздал, потом жаловался, что по дороге такси сломалось, не желал двигатель колеса крутить, пришлось ему вместе с водителем под крышкой капота копать.

Мамонт оказался за воротами и сразу двинул к автобусной остановке. Рамазану пришлось даже кричать, звать Мамонта сначала по имени, которое он почти забыл, а потом и по кличке, на что тот сразу среагировал, обернулся и очень удивился тому факту, что Лачинов помнил дату его освобождения.

Мамонт думал вернуться к матери, в родительский дом, где собирался отлежаться, отъесться после скудной зоновской кормежки, немного в себя прийти, а потом уже решать, как жить дальше. Про то, чтобы найти работу, мыслей у него не было. Кто предоставит хоть какую-то должность уголовнику при общей безработице в республике! Да еще в сельской местности!

Но Рамазан увез его в Каспийск, привел в какую-то квартиру, где сразу и накормил, и даже напоил водкой, на которую Мамонт

не особо западал. Он не был человеком верующим, но отдельные места из Корана знал и брал себе на вооружение, использовал их, когда это было ему выгодно. Во всех прочих случаях Мамонт попросту забывал эти святые истины. Если кто-то напоминал ему о них, то Мамонт очень удивлялся, но поступал всегда только так, как ему хотелось.

В этот раз он даже от водки не отказался, хотя хорошо знал, что Коран категорически запрещает мусульманам употреблять спиртные напитки. Мамонт видел в этом свою выгоду. Он хорошо знал себя, давно убедился в том, что практически никогда не пьянеет, несмотря на то, сколько примет на грудь. Крепкое крупное тело давало ему такую возможность. Кто-то на зоне утверждал, что спиртное распространяется на все клетки организма. Чем человек массивнее, тем больше ему требуется выпить, чтобы опьянеть.

Да, истины, почерпнутые на зоне, Мамонт всегда уважал. Если уважаемые люди там что-то говорили, то он в это верил почти слепо. Теперь этот тип легко понял, что сумеет разговорить выпившего Рамазана Лачинова и заставит его сказать, что тому от Мамонта надо.

При этом от мысли отлежаться в родительском доме Мамонт отказался без особых угры-

зений совести, хотя и знал, что мать ждет его. Старая Айша была единственным человеком, который приезжал к нему на свидания. Естественно, она передавала ему и привет от брата, но тот на зоне не показывался по понятным причинам. Негоже старшему следователю по особо важным делам навещать кого-то в местах отсидки.

Но Айша даже ждала по-своему. Мамонт легко представил себе, как он лежит в своей комнате, не самой тесной в доме, которую когда-то делил с братом-близнецом, и вздрагивает при каждом скрипе половицы в коридоре. Ждет, когда в комнату к нему зайдет мать. Он, конечно, сперва прикинется уснувшим, понадеется на то, что она пожалеет сына, не будет его будить, понимает, откуда тот вернулся.

Однако Магомедгаджи помнил характер старой Айши и ее неизлечимую любовь к ворчанию, прекрасно понимал, что долго она терпеть не будет и обязательно разбудит его даже в том случае, если он уснет по-настоящему. Ей необходимо поучить сына, высказать ему свое, наболевшее, попытаться наставить его на путь истины.

А что такое этот самый путь истины? Старая Айша не может понять, что у каждого он свой собственный.

Магомедгаджи никак не мог представить себя клерком, скучающим в каком-нибудь офисе. Провести день за столом, в кресле, пусть даже удобном, наживать себе геморрой? Нет уж, это занятие было для Мамонта невыносимо скучным. Такой жизни он сам себе не желал ни в коем случае.

Что касается матери, то Магомедгаджи знал каждый ее последующий шаг. Вскоре она должна была бы начать приводить в пример сначала соседского сына, ровесника Мамонта, открывшего свой собственный магазин строительных материалов, а потом и брата-близнеца Магомедгаджи — Манапа Омаханова, который носил погоны подполковника юстиции и служил старшим следователем по особо важным делам.

На это Мамонт, естественно, ответит, что брат университет окончил, поэтому находится при должности, а он вот даже год отучиться там не смог. Уже во втором семестре парень решил, что вся эта премудрость для него излишне скучна, и ушел из вуза.

Правда, перед этим на Магомедгаджи было заведено уголовное дело за драку с сокурсником, папа которого оказался каким-то большим ментовским начальником.

Естественно, Айша, которая до сих пор считает, что драка произошла после разборок на кафедре, скажет, что забрал он документы из университета вопреки ее воле. Но он ответит на это то же самое, что говорил много лет назад, скажет, что ему было скучно, не желая, чтобы мать знала правду.

Вечерний отрядный барак, обычно наполненный тишиной или разговорами, ведущимися совсем тихо, вполголоса, и в самом деле был уже куда более понятным и родным, нежели родительский дом. Мамонту казалось, что он может только взглянуть в лицо того или иного человека и сразу понять, о чем тот думает.

Только лицо Рамазана Лачинова ничего и никогда Мамонту не говорило, хотя видел он его чаще, чем других людей из их отряда. Происходило такое вовсе не потому, что эта физиономия была какой-то особо невыразительной. Просто она всегда выражала одно и то же. Как и глаза.

Именно поэтому Мамонт решил спросить своего товарища по несчастью напрямую, когда после второй бутылки Рамазан поднял нос с тарелки, в которую раз за разом ронял его.